

Прелюдия

2055, ЛАГЕРЬ РОУЗУОТЕР

ЭРИК

Я — не наемный убийца.

Я хотел бы прояснить это сразу, хоть моя история и начинается с того, что я чищу пистолет и уже разобрал и почистил винтовку, намереваясь убить человека. Приказ.

Для большинства африканцев сенсационное обнаружение в Лондоне прибывшего на метеорите пришельца и его уход под землю почти ничего не значили. Наши жизни изменились не сильно. Только теории заговора стали поинтереснее, вот и все. Чашка риса по-прежнему стоила дорого.

Даже когда мы потеряли Северную Америку, Россия и Китай, отталкивая друг друга, поспешили заполнить властный и экономический вакуум. Чашка риса стала еще дороже.

Но теперь пришелец переместился сюда, в Нигерию, и это — по крайней мере, для меня — означает внесудебную казнь.

Я рядом с командирской палаткой и транслирую белый шум, как меня учили. Ботинки облепила грязь, через которую пришлось пробираться. Даже сейчас, стоя по стойке «смирно», я утопаю в ней примерно на дюйм и хлюпаю, переступая ногами. В палатке приглушенно спорят мужчина и женщина; голос женщины мне знаком и звучит увереннее. Слышится шорох, и мужчина выбегает из палатки — а может быть, его вышвыривают. Он спотыкается, восстанавливает равновесие. Одергивает рубашку. Как и я, он худ, подвижен, его по-армейски стриженные волосы только начинают отрастать. А еще, как и я, он транслирует белый шум, и мы нащупываем сознания друг друга почти одновременно, что впечатляет, поскольку его до сих пор захлестывают эмоции из-за спора. Мы встречаемся взглядами.

Он кивает в знак приветствия.

— Тебя Данлады обучал? — спрашивает он.

— Хренов Данлады, — отзываюсь я.

— Он единственный, кто хоть чего-то стоит.

Купол за его спиной начинает светиться, а потом потрескивать, сначала ганглий, потом все остальное. Сегодня ветрено, но недавно прошли дожди и пыли почти нет. У лагеря Роузуотер два режима существования: пыльная буря и грязевая ванна. До нас доносится запахок открытого канализационного стока. Я чувствую, как этот парень прощупывает мой разум — пытливо, на самой грани вежливости. Я понимаю, что он сильнее меня, и выставляю все свои защитные стены.

Выражение его лица не меняется, но он протягивает мне руку.

— Кааро, — представляется он.

— Эрик.

— Вольно, Эрик. Ты откуда?

— Лагос и Йобург. — Как бы коротко я ни стригся, люди замечают, что я лишь наполовину черный. Некоторые видят в этом маркер привилегированности и пытаются мной воспользоваться.

— Что ж, Эрик-из-Лагоса-и-Йобурга, будь осторожен. Она в отличной форме.

Он уходит в сумерки и вскоре теряется в собравшейся вокруг барьера толпе. Я все еще гадаю, кто он такой, когда женщина велит мне войти.

Я не знаю, как к ней обращаться, поэтому просто говорю:

— Мэм.

Она не представляется, но я знаю, что она — глава Отдела сорок пять. О45 — не из тех государственных учреждений, о которых вы слышали. Он подконтролен лично президенту, его штат невоспетых агентов занимается экстраординарными явлениями, а люди вроде меня либо служат ему в качестве хищников, либо становятся его добычей. Изначально О45 спасал обвиненных в ведьмовстве от фундаменталистских церквей, а теперь занимается любыми инопланетными феноменами. Эта женщина недавно на своем посту, но держится так, словно рождена для него. Ее зрачки и радужки черны как уголь, и выносить этот взгляд непросто, поэтому я отвожу глаза. В палатке прохладно и сухо. Я в носках, потому что глава О45

требует оставлять обувь снаружи. Ее приземистый телохранитель стоит в двух шагах за спиной начальницы, сцепив руки на пиджаке поверх галстука.

— Ты знаешь, почему ты здесь? — спрашивает она.

— Мне велели явиться в ваше распоряжение.

Она улыбается, но губы ее не разжимаются и взгляд остается прежним.

— Мне нужно, чтобы ты нейтрализовал проблему.

Она носит свое богатство, как оружие, — так европейцы когда-то носили мечи: оно, очевидно, бросается в глаза, напоминает окружающим о ее статусе, намеренно безвкусно, особенно заметно в лагере Роузуотер, особенно эффективно против менее удачливых подчиненных. Таких, как я.

Я не знаю, о чем она говорит.

— Проблему, мэм?

— Ты знаешь Джека Жака?

— Нет, мэм.

— А хоть кого-нибудь в Роузуотере знаешь?

— Нет, мэм. Я прибыл сюда сразу после начальной подготовки. До этого я жил в Лагосе.

От нее не исходит никаких мыслей. Меня о таком предупреждали. У больших шишек есть способы защиты.

— Джек Жак — возмутитель спокойствия, — говорит она. — Большинство считает его клоуном, но я вижу, к чему он стремится. Его нужно остановить. Президент хочет, чтобы его остановили.

Подумав, что от меня требуется его арестовать, я воодушевленно киваю. Мне очень хочется показать

О45, чего я стою. Я буду соблюдать инструкции до последней буквы, потому что это мое первое задание. Телохранитель выходит вперед и достает приказ, на котором стоит президентская печать, — документ, для открытия которого требуется отпечаток моей ладони и присутствие моего имплантата.

Первым делом я вижу гладкое, без единой морщинки, лицо чернокожего мужчины, глядящего прямо в камеру; в его глазах есть намек на улыбку, но едва заметный — так ребенок сдерживает смех, фотографируясь на паспорт. На вид Джеку Жаку под тридцать, он красив и выглядел бы женоподобным, если бы не квадратная челюсть. Губы у него толстые, но мне кажется, что они уместнее смотрелись бы на женском лице.

— Я предоставлю тебе самому ознакомиться с деталями, — говорит моя начальница. — Не подведи меня.

Они с телохранителем покидают палатку с противоположной стороны, а я — с той, с которой вошел.

Где твой табельный пистолет?

У меня в палатке.

Сдай его интенданту. На этом задании тебе нельзя пользоваться служебным оружием. Сможешь добыть другой?

Не думаю, что мне понадобится стрелять.

...Эрик, в чем, по-твоему, заключается твое задание?

Я смогу задержать его и без...

«Задержать»?

Она сказала...

Если под словом «задержать» ты не подразумеваешь «сделать так, чтобы он больше никогда не двигался», значит, тебе нужно внимательнее читать приказы.

О Джеке Жаке известно немного. Предполагается, что это имя — псевдоним. Жак появился в лагере Роузуотер примерно через месяц после возникновения инопланетного купола. Первый раз он упоминается в документах в связи с его арестом ребятами из армии. Обвинений не предъявлено. Судя по всему, он трепал языком. Плохая документация. В одном месте говорится, что он отказывался называть свое имя на протяжении двадцати четырех часов. Читая между строк, я предполагаю, что его могли пытаться. После освобождения вокруг всего купола начали появляться листовки — дешевые, черно-белые, напечатанные на дрянной бумаге:

Как долго мы вынуждены будем терпеть существование, которое оставшая Нигерия и весь мир оставили позади еще в доантибиотиковую эпоху? Мы требуем, чтобы федеральные власти предоставили нам жилье, общественный транспорт, дороги, современную канализационную систему и, прежде всего, питьевую воду.

Джек Жак

Текст сопровождается скверно пропечатанной фоткой Жака в плохо сидящем костюме.

Вот его подпись под петицией, призывающей запретить употребление в пищу инопланетной флоры и

фауны. Вот сообщение доносчицы о собрании смутьянов и леваков. Она утверждает, что Жак там был, но никакой конкретики о том, что он говорил, нет.

Адреса нет, известных сторонников нет.

Я никогда никого не убивал, но мои наниматели считают иначе, из-за чего мне и досталось это задание. Когда О45 тобой интересуется, он находит способы допросить твоих близких друзей. Я знаю, кто на меня стукнул. Вот только это нельзя назвать стуком, если стучать не о чем. Когда мне было пятнадцать, в наш дом вломились грабители, и для одного из них это закончилось смертью из-за дыры в черепе. В полицейском отчете говорится, что башку ему проломил я, но на самом деле его случайно убила моя сестра, пытавшая оглушить. У сестренки сложное прошлое, и мы всей семьей решили, что вина должна лечь на меня.

Я брею голову лезвием, приделанным к расческе. Армейская стрижка сразу выдает во мне военного, поэтому я от нее избавляюсь. Зеркало висит на веревочке, привязанной к дуге палатки. Оно легонько покачивается, и я качаюсь вместе с ним, точно уклоняющийся боксер, чтобы уследить за своим отражением. Закончив, переодеваюсь и выхожу в лагерь.

Он невероятно людный. Сейчас примерно четыре часа дня, и стервятники пикируют к рынкам и лакомятся тем, что мясники оставили от туш. Лагерь Роузуотер — по сути, кольцо времянок, которое опоясывает купол, прерываясь лишь в тех местах, где из него выходят ганглии — электрические столбы, похожие на башни из инопланетной нервной ткани. Это

мешанина палаток, навесов, деревянных хибар, импровизированных построек из гофрированного железа. Экономика здесь основана на бартере, но в ходу и обычные нигерийские найры. Лагерь растет с каждым днем за счет людей, прибывающих... отовсюду. Новички попросту забивают за собой землю на окраине и строят. Есть и несколько новых бетонных зданий — церкви, мечети, храмы, склад оружия для армейского подразделения, присланного поддерживать здесь порядок. Есть микрофермы, потому что рядом с куполом можно вырастить в буквальном смысле что угодно и на чем угодно. У меня в палатке растет ледяник, который я купил, потому что цветочница утверждала, будто он защитит меня от призраков. За два дня на нем распустились три пурпурных цветка. Брось зерна в грязь, и не успеешь оглянуться, как из них вырастет здоровый урожай; прополка здесь — источник постоянного заработка.

В лагере есть бордели: неприкрытые — для проституток-женщин, прячущиеся за эвфемизмами типа «спортивный центр» — для мужчин.

Я шлепаю по ручейку мочи, неторопливо текущему в переулке, затененном окружающими постройками. Тысячи разговоров приобретают анонимность, сливаясь в общую какофонию. Моим ботинкам уже не быть прежними, однако именно этого я и добиваюсь. Одежда на мне поношенная, но приличная, а это значит, что меня ниоткуда не выгонят, но и грабить не станут.

Изначально я планирую зайти в пивную, но нахожу кое-что получше: ночной клуб.

Я не танцую.

На правой руке до сих пор светится поставленный на входе штамп, и этот свет, преломляясь в стакане, делает напиток похожим на лаву. Понятия не имею, что за музыка здесь играет, но, судя по всему, главное в ней — тяжелый бас. Клуб набит битком. Когдаходишь сюда, первым делом видишь ряд детишек, начищающих обувь, а потом давление толпы выталкивает тебя на танцпол — бетонную площадку, отполированную до гладкости шарканьем бессчетных ног. На входе стоит дешевый сканер имплантатов, чтобы опознавать копов, но заглянуть под мою личину у него не получается. В западном углу торчит приземистый ботурель — хранитель спокойствия.

Никто в клубе не думает о Джеке Жаке. Выясняя это, я зарабатываю головную боль. Две ночи проходят впустую, прежде чем я засекаю то, что мне нужно.

Это воспоминание о Жаке, о встрече с ним. Женщина, которой оно принадлежит, стоит снаружи клуба, привалившись к стене. Я встаю, чтобы выйти, но случайно в кого-то врезаюсь. И, не успев извиниться, ощущаю намерение меня ударить. Я уклоняюсь — едва-едва, чтобы скрыть подготовку. Неуклюжая обезьяна промахивается и попадает в кого-то другого. Я наступаю громиле на ногу, и он падает. В суматохе выскальзываю наружу.

Она босая, одета в платье неопределенного цвета, не накрашена и курит; ее волосы безжизненно висят после выпрямления. Она слышит меня, слышит мои шаги, но не поднимает взгляда. У меня с собой сигареты, купленные в клубе поштучно как раз для такого